

31.10.93

Ростропович М. С.

МСТИСЛАВ РОСТРОПОВИЧ

С всемирно известным музыкантом беседует редактор отдела культуры «МН» Ольга Мартыненко.

Программа недавнего пребывания на родине Мстислава Ростроповича была составлена с таким количеством перегрузок, что претендовать на особое внимание представлялось делом не только безнадёжным, но и отчасти безнравственным. Но мир не без добрых людей, которые убедили маэстро выкроить время для «Московских новостей».

Таким временем оказалось раннее утро. Разговор, однако, начался не с музыки, а с тех трагических потрясений, которые, как в августе 1991-го, на глазах Ростроповича пережила Россия.

— Самым счастливым днем в моей жизни, включая все счастливые дни: женитьбу, рождение детей, окончание консерватории, было все-таки 22 августа 1991 года, когда я понял, что мы наконец свободны, когда Борис Николаевич Ельцин объявил компартию вне закона и провозгласил с трибуны, что мы встаем на путь демократии. Но очень скоро на этом пути возникли препоны; невидимые вначале, со временем, как на проявляющейся фотографии, они обрели все более четкие очертания. Стали крепнуть и набирать силы, которые держали нас в тюрьме 75 лет. У них был огромный опыт, структура тотального проникновения во все сферы жизни — от генсека до освобожденного секретаря парткома консерватории, такой холодящий скелет. Восстановить его было довольно легко.

Первая волна разочарований настигла нас в эпоху Горбачева, который мог завершить перемены бескровно и безболезненно, даже не разрушая страны. Но он остановился на полпути, что обошлось нам очень дорого. Кровь, которая пролилась сегодня, постлудия к тому, что было недоделано Горбачевым.

Все, что случилось в Москве, было логическим завершением противостояния между демократией и — не хочу произносить дурных слов, но назвать это оппозицией слишком мягко. Можно ли было все завершить иначе? Ну, так Богу было угодно, чтобы проявили себя убийцы. Просто убийцы, для которых превыше всего собственная власть. Когда генерал Макашов пообещал умыть противников их же кровью, а самозванный президент издал указ, предусматривающий за осуждение самые строгие меры, вплоть до высшей, как-то уж очень повесело 37-м годом.

ЗАЧЕМ МНЕ ЭТО НУЖНО

— Мне говорят: ты музыкант, куда ты лезешь? Я лезу только потому, что хочу, чтобы мы все хорошо жили. У меня нет никаких личных проблем, кроме одной — жизнь России.

Меня выгнали из страны и превратили во врага собственного народа, который я люблю безумно. Одним росчерком пера Брежнева была решена участь моей семьи. Мои дочери вышли замуж за иностранцев. У меня пять внуков. Правда, дед и бабушка имеют большую силу в семье, и первого внука назвали Иван, второго — Сергей, внучка — Анастасия, четвертый внук у нас — Александр, пятый — Олег.

Все, что было сделано в эти дни, надо было делать, просто это необходимо было делать яснее, если хотите — резче. Резче в том смысле, что нельзя идти на попятную.

Конечно, я оптимист и, безусловно, верю в замечательное будущее России, но ведь эти люди, что мешали реформам, они никуда не денутся. Они обязательно полезут во все органы власти. Самое опасное, что, когда они лезут, они подкрашиваются. А потом невидимая паутина склеивает их, они объединяются и становятся монолитной силой.

После 16 лет жизни на Западе перед первой поездкой в Россию меня попросили (вызвать уже не могли) зайти в советское посоль-

Москва, новости. - 1993. - 30 окт. - с. 84.

Юрий Каденцов

“ У меня нет никаких личных проблем, кроме одной — жизнь России... ”

ство в Вашингтоне. Позвонил в дверь, оттуда высунулась суровая физиономия и спросила: «Вот ю вонт?» Я сказал, что ничего не хочу, меня попросили прийти, я пришел. На что услышал: пройдемте. Я не из боязливых, но мне опять стало жутко. Вот чтобы не было жутко России — мечта моей жизни до остатка дней.

ТОЧКА ОПОРЫ

— Я вам скажу такую вещь: все жизненные ценности в нашей стране были ополнены. Моя жена Галина Вишневская пела когда-то цикл Шостаковича на стихи Саши Черного. Одно сочинение ей запретили исполнять. Крамола была в словах: «Трудно братцы, наши дети будут жить вольготней нас». Нельзя закрывать глаза на то, что, пока мы живы, счастье достигается с трудом. Во имя утопического будущего мы недооценили, отказывали себе во всем. Единственное, что может сегодня утешить: мы трудно живем уже не ради мифа, а действительно ради того, чтобы дети наши вздохнули.

СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ

— Мы стали свободными, а это ощущение важно не только для интеллектуальной элиты. Человек пользуется свободой по мере надобности. Я часто бывал в деревнях, у меня там масса друзей. Когда отменялись мои концерты и поездки за границу, я проехал всю страну, вплоть до Узлена. К слову сказать, оказавшись 8 марта 1971 года в Магадане, я не отказал себе в удовольствии послать телеграмму министру культуры: поздравляю женским днем, Ростропович из Магадана. Подготовил себе местожительство. Зачем крестьянам свобода? Да чтобы чувствовать себя людьми. Не сочинять воззвания, не вставать в оппозицию, если они того не хотят, а быть хозяином у себя дома.

Одно время я играл на виолончели Амати из государственной коллекции. Виолончель для меня — это я сам. Художник Гликман нарисовал мой портрет, где вместо виолончели — красный живот, инструмент как часть тела. Я очень люблю свой портрет, написанный Сальвадором Дали вибрирующими штрихами. Виолончель — мои голосовые связки, моя душа, через кончики пальцев я научился передавать струнам все свои чувства. Но я понял, что не могу играть на коллекционном инструменте — не могу обнимать его, делиться с ним сокровенным, зная, что в один прекрасный день мне позвонят и скажут: «Ростропович, вы уже сделали карьеру, а есть молодой Вася Опердучер, передайте виолончель ему». Нет уж, лучше хуже, но своя.

У крестьян отношение к земле, вероятно, схоже с моим к виолончели: им также нужна свобода делать с нею то, что они хотят, зная, что никто их землю не отберет. Если у нас будет настоящая конституция, законы, изложенные простым и ясным языком, я думаю, мы все по ним будем с удовольствием жить. Мне, может быть, не нужна такая свобода, как философу или литератору, испытывающим потребность все анализировать и критиковать. Есть таланты с позитивным зарядом, а есть — с негативным. Таланту с негативным ощущением остро нужна свобода слова. Но

она должна быть ограничена, как повсюду в цивилизованном мире, запретом на пропаганду расовой ненависти и насилия. Кровапролитие должно быть остановлено законом.

Всем без исключения должна быть гарантирована свобода передвижения. Я как-то пошутил, что 75 лет советские артисты были похожи на птичек, которым разрешалось петь только на одном дереве. Люди, делающие добро, свободны сеять его по всему миру.

ШНИТКЕ. ШОСТАКОВИЧ

Сославшись на суждение Альфреда Шнитке о том, что музыка способна первой уловить новую новизну в воздухе, которую обычное ухо услышать еще не в состоянии (так Малер, по словам Шнитке, первым угадал эклектичность и дробность мира), я спросила маэстро: что подсказывает нам современная музыка? В частности самого Шнитке, Шестую симфонию которого дирижер впервые исполнил в Москве с Вашингтонским симфоническим оркестром.

— Да, эта музыка проникает в такие дали, которые я могу понять только интуитивно. Существует музыка звучащая и так называемая незвучащая. Например, 15-я октава фа диез дает настолько высокий неслышимый звук, что сила его колебаний способна убить лягушку. Может быть, такие же явления есть и на низких частотах. И в жизни, помимо слышимой, есть неслышимая музыка, она будто окутывает нас. В этом смысле в Шестой симфонии огромное количество пауз, они делают музыку как бы рваной, но она обладает невероятной магнетической силой. Я был потрясен тишиной, которая стояла в Большом зале консерватории во время ее исполнения. В ней какие-то острова, связанные между собой не музыкой, а этими паузами, у которых своя логика развития. Здесь присутствуют элементы, если угодно, потусторонней жизни, космического звучания.

По поводу Шнитке, вообще это гениальный композитор, я могу сказать очень странную вещь, но, надеюсь, меня поймут. Его второй виолончельный концерт, в особенности его последняя часть, был для меня совершеннейшим откровением. Я играл его с полной отдачей и понимал, что оркестр меня где-то покрывает, виолончель не слышно, я внутри плету какую-то невидимую ткань, выплываю наверх, оркестр идет вниз. И вдруг Альфред мне сказал: «Ты знаешь, эта музыка после смерти». Вот так, наверное, должно звучать то, что остается от нас, — дух, душа, то, что будет после...

— А что означает для вас Шостакович, которого вы, по сути, открыли Америке?

— Это колосс бетховенского масштаба. Вся его жизнь — как будто исполнение молитвы старцев Оптиной пустыни: «Дай нам поверить в то, что все, что ни произойдет со мной, предначертано Тобой».

Его так били, так изничтожали, а гений его от этого только креп, и он отвечал на все своей музыкой — от имени народа, нации, может быть, всего человечества. Его музыка — эмоциональная летопись всей нашей жизни. Я очень люблю, например, его Одиннадцатую симфонию, «1905 год». С одной стороны, революция, бурлящий народ, но на самом

деле в этой музыке сказано: любая революция — это кровь и жертвы.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

— Я их умышленно в себе не культивирую. Дирижер, в отличие от композитора, не может себе этого позволить. Допустим, Прокофьев с особой любовью и уважением относился к Чайковскому. Шостакович обожал Малера, а к Чайковскому был скорее равнодушен. У композитора есть свой стиль.

В свое время я занимался композицией, у меня есть два фортепьянных концерта, но я бросил это хозяйство. Почему? В 1945 году, скажем, была премьера Пятой симфонии Прокофьева. Как и все студенты, я ходил на репетиции, потрясенный, уходил с мыслью, что я должен написать симфонию. Всю ночь сочиняю. Наутро смотрю: что-то очень похожее на Прокофьева, но много хуже. Потом я бегу, к примеру, на репетицию Восьмой симфонии Шостаковича. Сажу в потрясенный, дома сажусь сочинять с невероятной глубиной и сосредоточенностью. Утром вижу: похоже на Шостаковича, но гораздо хуже.

Если бы я не играл гениальные сочинения, может быть, я исполнил бы что-то свое. А так я позволяю себе лишь в течение трех минут мучить публику собственной юмореской для виолончели. Должен вам сказать откровенно: я обожаю, боготворю сочинение, которое исполняю в данную минуту, и думаю, что лучшего нет. Поэтому у меня такой большой репертуар. Я не однолюб. Многоженец.

СЛУШАТЕЛЬ

— Разница между слушателем в России и на Западе такая же, как между нашим народом и остальными. В этой системе — называйте ее фашистской, коммунистической, как хотите, — появлялись такие колоссы, которые (Шостакович — через музыку, Солженицын — через слово, Сахаров — через совесть и дух) шли против тоталитарной машины, заведомо зная, что должны проиграть, а в результате выигрывали. Я думаю, эта система предопределила и чуткость восприятия музыки. В мою бытность люди шли на концерт, как в храм. На Западе много людей, посвятивших себя музыке, но в этом увлечении есть элемент лоска, лоска элиты. Приятная часть жизни, не более.

ОСЕННЯЯ ГРУСТЬ

— На ваш вопрос, какого кодекса поведения я придерживаюсь, мне ответить очень легко. Я человек верующий и стараюсь следовать десяти заповедям. Не убий — вот самая грозная. Нельзя простить убийство, не ты дал жизнь другому человеку. Призывы к убийству нужно уничтожать на корню.

Мне кажется, для полноты мироощущения человеку необходимы самые разные переживания, но для меня наиболее плодотворна грусть. Осенью она меня посещает часто. С весельем дело обстоит иначе. Я знаю, если мне весело, я наверняка играю хуже — появляется какой-то подсознательный апломб, излишняя уверенность. А когда тебе грустно, ты выходишь к людям с музыкальной исповедью, от души идет значительно больший поток.

ТВОРЧЕСКОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ

— Это секрет не столько искусства, сколько Господа Бога. Нет же глобальной статистики, которая подтвердила бы долголетие дирижеров. Мы знаем о Тосканини и поражаемся, сколько он прожил! Но, конечно, профессия дирижера располагает к большей долговечности, нежели исполнитель, физического связанного с производством звука. У того начинают дрожать руки, исчезает сила и свежесть звука, чистота нервной реакции. А дирижер производит звуки через своих коллег.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

— Да, я действительно даю много благотворительных концертов. Объяснение такое: в каждой стране, где я играю, я плачу налоги. Благотворительные концерты — это мой налог Богу. Когда меня выслали из страны, а до этого за четыре года так обломали, что я ни на что не надеялся, мы приехали на Запад без копейки денег. И вдруг началась моя вторая жизнь. Было неожиданно и радостно, что меня слушают, ко мне хорошо относятся, я безбедно существую. Этой неожиданной радостью надо уметь делиться, иначе она будет неполной. Чтобы даже не Богу, а собственной душе было угодно.

ПЛАНЫ В РОССИИ

— Я все больше и больше вхожу в творческую жизнь дома. Веду переговоры с моим другом Гергиевым о «Леде Макбет» в Мариинском театре. Собираюсь дирижировать «Хованщиной» в Большом. Ставить будет Покровский, самый гениальный оперный режиссер. Для меня огромная радость работать с этим гением. Нет, мы еще не приступили к репетициям. Пока только облизываемся.